

631396

Харьковский Государственный Университет
имени А. М. Горького.

И. И. МЕЧНИКОВ

**ПАМЯТИ
ВЕЛИКОГО
РУССКОГО
УЧЕНОГО**

СБОРНИК СТАТЕЙ

■

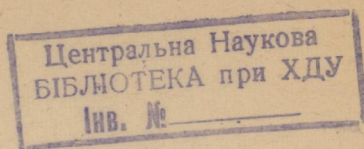
ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК

**Х а р ь к о в
1 9 4 8**

980

574(09/c9

Дополнить
Сенату
Директору
с.р.р.
10. III. 48.

МЕЧНИКОВ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Доцент И. Я. КАГАНОВ

Стоило бы специально заняться вопросом о «круге чтения» И. И. Мечникова. Это дало бы возможность убедиться в поистине энциклопедическом разнообразии и широте его читательских интересов. Сотнями ссылок на сочинения по философии, истории, истории культуры, религии, по этнографии и антропологии испещрены страницы его произведений. И это помимо литературы по прямой его специальности! Мемуаристы называют его «ходячей библиографией». Э. Ру в своем письме, адресованном Мечникову в день его 70-летия, пишет: «Так как Вы всё читаете, всё знаете, то каждый и обращается к Вам за нужной справкой, с просьбой сообщить содержание только-что появившейся научной статьи, которую сам он не прочтет. Это много удобнее, чем рыться в библиотеке, да и вернее, ибо таким образом избегаются ошибки переводчиков и истолкователей. Ваша эрудиция так обширна и так безошибочна, что обслуживает целый институт». Есть свидетельства о том, что для чтения Мечников пользовался каждой минутой, что читал он во время ежедневных переездов из Парижа в Севр, что при каждодневном возвращении домой карманы его пальто были заполнены не только сладостями, которые он любил раздавать соседским детям, но и газетами, журналами, брошюрами.

Эта универсальность интересов, сама по себе очень показательная у большого ученого, свидетельствует также и о том, как напряженно протекала духовная жизнь неутомимого искателя и обоснователя рационального мировоззрения. Тысячи нитей связывают его с пульсацией окружающей его социальной действительности, он стремится постичь её ритм, уяснить её смысл. И пусть он часто ошибается в её истолковании, он никогда не отказывается от мысли о необходимости активного отношения к жизни. Учение Маркса — по причинам, выяснять которые здесь не моя задача, — полностью никогда им и не постигнутое, в одном отношении, несомненно, близко ему: и для Мечникова основная задача философии в том, чтобы изменить, переделать мир.

Эта переделка мира должна, по его мнению, произойти в результате сознательных усилий человека, направленных на то, чтобы

631396

изменить к лучшему самую природу человека, дисгармонии и несовершенства которой он с такой тщательностью наблюдал еще в ту пору, когда находился во власти своего пессимизма. В итоге длительных размышлений рождается диаметрально противоположный пессимизму взгляд, и в нашем сознании представление о Мечникове неотрывно связано с жизнеутверждением и жизнелюбием.

Жизнь, человеческая жизнь для него огромная ценность, и как жаль, что ни один из художников не сделал сюжетом своей картины следующий эпизод, о котором вспоминает доктор Манухин: «Созерцание начинающегося процесса жизни доставляло ему огромное эстетическое наслаждение. Я помню, как, окончив необычно рано свою работу, он сказал: «Сегодня усиленно поработал и за это заслужил удовольствие. Пойду, посижу у колыбели новорожденного ребенка... Люблю я глядеть на зарождающуюся жизнь...». Но не только зарождающаяся жизнь привлекала его. Сквозь стекла своих очков, из-за которых поблескивали такие умные, такие проницательные глаза, он жадно следил за всеми проявлениями жизни, желая узнать о ней возможно больше.

И говоря о Мечникове—читателе художественной литературы, мне прежде всего хотелось отметить это, представляющееся крайне важным, обстоятельство: эрудит, казалось бы отрывавшийся от своего микроскопа лишь для того, чтобы погрузиться в изучение какого-нибудь нового труда, Мечников никогда не был *Bücherwurm*’ом, книгочием, отграничивающим себя книгой от мира; никогда книга не заслоняла от него жизни.

Что же дало Мечникову приобщение к сокровищнице мировой художественной литературы? Какова её роль в формировании мировоззрения ученого?

Прежде чем ответить на этот вопрос, я хотел бы установить ряд фактов, на которые, сколько мне известно, обращалось явно недостаточно внимания. Речь идет о выяснении той роли, какую играли его идеи в истории русского общественного самосознания. Несмотря на то, что Мечников много сил и энергии уделял популяризации своих идей в пору своего пребывания в России, настоящая, большая его известность начинается только со времени выхода в свет его «Этюдов о природе человека» (1903 г.) и в еще большей мере—«Этюдов оптимизма».

К моменту опубликования третьей его книги, резюмирующей его сорокалетние искания рационального мировоззрения и отделенной от первой целым десятилетием, они успели стать настольными книгами русского интеллигента, постоянно переиздавались: «Этюды о природе человека» до Октября выдержали 5 изданий, цифра для научно-популярной книги очень значительная. О Мечникове постоянно писалось в газетах, и хотя эта газетная шумиха была поднята

главным образом в связи с пресловутым лактобацилином, всё же и она показательна. Она в особенности усиливается в связи с получением Мечниковым Нобелевской премии и последовавшим вслед за этим приездом его в Россию в 1909 году.

В чем причина успеха Мечникова? Сам он в интервью, данном сотруднику «Русского слова», так объясняет, почему его пребывание на родине сопровождалось «горячими приветствиями и чествованиями»: «Я нахожу, что меня переоценили. Но эта оценка, эти горячие приветствования и чествование в сущности очень легко объясняются. Они находятся в непосредственной зависимости от того настроения, которое сейчас переживается Россией и русским обществом». Указав на то, что его встречают «несравненно лучше, чем прежде», т. е. за двенадцать лет до этого приезда, когда он был на международном конгрессе врачей в Москве, Мечников продолжал: «Причины этому, несомненно, кроются не во мне, а в психологии тех, кто меня так встречает. Тяжелые удары политического характера, постигшие Россию за последние четыре года, если можно так выразиться, придавили русское общество и оттолкнули его от политики. В связи с этим—безусловный интерес к науке. Вот одна из причин. Другая вырастает из того же источника. Люди устали разочаровываться. Они должны верить в свои силы, в свои способности к борьбе и победе. И меня, своего сородича, встречают так радушно, воплощая во мне свои надежды и чаяния».

Многое здесь констатировано неправильно, и прежде всего—отталкивание от политики». Как хорошо известно, речь в этом смысле могла идти только о части—правда, значительной—русской интеллигенции, в то время как в рабочем классе, руководимом большевиками, уже накапливались силы для нового революционного штурма. Неправильно отмечено и наличие «безусловного интереса к науке». Почти с полным равнодушием проходил средний русский интеллигент мимо замечательных исследований Ив. Павлова; они оставались в тени. Но зато правильно отмечено наблюдавшееся тогда всё сильнее стремление к активности, деятельности, усталость от разочарования, которое нужно преодолеть, от которого надо избавиться. Признаки этого явственно заметны в различных отраслях литературной жизни эпохи. Они обрисованы куда рельефнее несколько позже—ближе к началу войны 1914 года. И—частично—русский футуризм, и повышенный интерес к творчеству Джека Лондона, который на короткое время становится чуть ли не одним из властителей дум—вот что приходит на смену богостроительству и богоискательству, увлечениям мистикой, санинщине и проч.

Максим Горький, «конец» которого после 1905 года временно успела провозгласить буржуазная критика, с новой силой продолжает свою проповедь активности, творческого труда. И Меч-

ников воспринимается в те времена прежде всего, как учитель жизни, как философ; в глазах широкого русского читателя он прежде всего проповедник нового взгляда на мир, на назначение человека; иначе говоря, теория ортобиоза, «практической макробиотики», для неспециалиста заслоняет и фагоцитарную теорию, и основанную на ней теорию иммунитета.

Характерны в этом отношении работы о Мечникове, помещавшиеся в тогдашних так называемых «толстых» журналах. Даже в статьях популяризаторов естествознания этот момент выдвигается на первый план. Для них Мечников прежде всего «апостол» рационального мировоззрения (Лункевич, «Русское богатство»), или «борец за научное мировоззрение» (Тимирязев, «Вестник Европы»). В том же «Вестнике Европы» свою большую статью «Ценность жизни» известный литературовед акад. Овсяннико-Куликовский начинает с рассмотрения философских взглядов Мечникова и о них же говорит в этюде его памяти «Радость познания—радость бытия».

Подтверждением высказанных только-что взглядов является одно мало известное письмо А. М. Горького. В 1915 г. по инициативе Горького между ним и К. А. Тимирязевым возникает оживленная переписка; только-что организован журнал «Летопись», и Горький спешит пригласить Тимирязева сотрудничать в нем. И вот в письме, датированном 2 июля 1916 г., Горький пишет: «Убедительно прошу Вас написать о Мечникове. Очень прошу! Именно Вы и только Вы можете с должествующей простотой и силой рассказать русской публике о том, как много потеряла она в лице этого человека, о ценности его оптимизма, о глубоком понимании ценности жизни и борьбе его за жизнь.¹ Пожалуйста, сделайте это, Климентий Аркадьевич!».

Несомненно, в какой-то мере это осознавалось и самим Мечниковым: конечно, не случаен тот факт, что подавляющее большинство его специальных работ выходило сперва на французском и других языках, а его популярные книги—на языке русском.

Характерно, далее, что и для Тимирязева Мечников «знаменитый ученый и талантливый писатель»; именно так начинает автор «Жизни растения» свою статью о книге Мечникова.

Воспользуемся этим определением, чтобы несколько задержаться на вопросе, сколько знаю, совершенно не исследованном. Речь идет о стиле Мечникова. Это действительно не только знаменитый ученый, но и талантливый писатель... Сколько раз цитировались в юбилейной литературе нынешнего (1945) года тургеневские слова: «природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник», но никто не вспомнил другого завета Базарова, свято выполнявшегося Мечниковым: «Мой друг, не говори красиво!». Он воспринял его правильно: лишенная внешней красоты, его речь преисполнена

¹ Выделено мною. И. К.

большой красоты. Необычайная простота, очень строгое построение фразы, большая доступность изложения,—все эти качества мечниковского стиля, которым нужно бы поучиться многим врачам и естествоиспытателям,—лежат, так сказать, на поверхности; детальный же стилистический анализ его произведений—задача, достойная специального исследования.

Но одно качество Мечникова—писателя хотелось бы отметить особо. Он замечательный мастер рассказа. Я не имею возможности привести соответствующую цитату, но, должно быть, читатели его «Этюдов оптимизма» помнят включенный в эту книгу автобиографический отрывок «История ученого, бывшего пессимистом в молодости и ставшего впоследствии оптимистом». Это очень правильно построенная новелла с зачином, *pointe* и развязкой. Так писать может человек, который, очевидно, с большой обдуманностью относился к форме, в какую должны быть воплощены высказываемые им мысли...

Тут, собственно, мы приближаемся к ответу на вопрос, заданный нами ранее: что же дала Мечникову художественная литература, как воспринимал он ее? К сожалению, для исчерпывающего ответа мы не располагаем достаточным материалом: мы знаем, что читал Мечников много и жадно, мы отчасти можем судить о том, что он читал. Но прямых высказываний его о писателях и их произведениях по его сочинениям рассыпано мало. Молчат о них и многочисленные мемуаристы; не удовлетворяют нас в этом отношении и эпистолярные публикации. Но и то немногое, чем мы располагаем в этой области, позволяет нам с определенностью утверждать, что для Мечникова литература, поэтическое слово служат могучим источником познания жизни. Своим многолетним наблюдением над природой человека он ищет подкрепления у великих писателей прошлого, у лучших из своих современников.

В статье, написанной в 1872 г., он говорит о поэтах, что они наиболее «чутки к делам человеческим», а в день своего 70-летия, вспоминая о Льве Толстом, он называет его «знатоком человеческой души». Во время своего последнего пребывания в России Мечников, как известно, с Львом Толстым встретился в Ясной Поляне. История сохранила нам мало подробностей этой встречи; о ней писал (в газете «Русское слово») сам Мечников; имеется дневниковая запись свидетеля этой встречи пианиста Гольденвейзера; несколько страниц уделяет ей в своей замечательной книге О. Н. Мечникова. Наконец, сам Толстой поделился своими впечатлениями о Мечникове. Это было сделано в присутствии журналиста С. Спиро, о котором известно, что с его помощью Толстой сообщал русской читающей публике свое мнение о разных выдающихся событиях современности.

Привожу полностью эти слова Толстого; они затерялись в безграничном море толстовской мемуаристики, и в поле зрения биографов Мечникова попадают редко.

«— Ну, что же вам сказать об И. И. Мечникове,—продолжал он.—И. И. произвел на меня самое приятное впечатление. Я не встретил в нем обычной узости специалистов, ученых людей. Напротив, широкий интерес ко всему и в особенности к эстетическим сторонам жизни. С другой стороны, самые специальные вопросы и открытия в области науки он так просто излагал, что они невольно захватывали своим интересом. Я был поражен его энергией: не смотря на ночь, проведенную в вагоне, он так был оживлен и бодр, что представлял прекрасное доказательство верности его гигиенического, отчасти даже нравственно-гигиенического режима, в котором, по-моему, важное значение имеет то, что он не пьет, не курит и ни в какие игры не играет».¹

Так как из других мною перечисленных источников нам известны темы беседы между создателем «Войны и мира» и автором «Этюд о оптимизма», то особую ценность представляют слова Толстого о том «широком интересе ко всему и в особенности эстетическим сторонам жизни», который так привлек его в Мечникове. Мечникову пришлось защищать искусство, литературу в частности, перед Толстым, который в ту пору его жизни к художественной литературе (в том числе к своим художественным произведениям) относился отрицательно. Мечников, узнаём мы, говорил о литературе, как «о поддержке и отраде в жизни»; когда же речь зашла о той роли, которую играла в жизни великих писателей любовь, как стимул к художественному творчеству, Мечников привел ряд данных об Ибсене, Гюго и, в особенности, Гёте.

С Толстым-философом, как известно, Мечников достаточно резко полемизировал, противопоставляя его теорию непротивления своим взглядам на природу человека, которая подлежит совершенствованию и переделке. Перед Толстым-художником он преклонялся, дивился его мастерству, глубине его умения проникать в душу человека. Так как обоих великих мыслителей одинаково привлекали вопросы жизни и смерти (Мечников помнил, что «Смерть Ивана Ильича» описывает смерть его брата; в повести даже имя его осталось неизменным); так как обоих характеризует страстная напряженность исканий мирозерцания, которое может замкнуть религию и метафизику; наконец, так как оба они, каждый по-своему, стремятся добытые ими истины положить в основу своего жизненного поведения, провести их в жизнь,—то естествен глубокий взаимный интерес их друг к другу.

Толстой в конце беседы с Мечниковым заметил, что в конечно

¹ Цитировано по Апостолову, «Живой Толстой», стр. 493.

чете их воззрения на мир сходятся, что конечные их цели одинаковы, но что идут они к общей цели совершенно различными путями.

Всё только-что сказанное позволяет прийти к важному выводу. Мечникову ясна роль литературы, как «поддержки и отрады в жизни». Но, учитель по природе, он, несмотря на свой интерес к эстетической стороне жизни—вспомним, какую роль играла для него музыка, начиная с того момента, когда он из-за увлечения итальянской оперой чуть было не забросил своих государственных экзаменов, и кончая последними годами, когда со слезами на глазах слушал он Моцарта и Шопена в исполнении своей жены Ольги Николаевны—он ищет у великих писателей прошлого, у своих современников ответа и подтверждения своим мыслям о природе человека. Для него ясно: столбовая дорожка литературы—это дорога гуманизма. И в своих книгах он не перестает ссылаться на Эллиаса и Платона, на миф о Прометее, на Шекспира и Байрона, на Леопарди, на Золя, Гонкуров, Додэ, Бодлера и Метерлинка, а из русских—на Тургенева, Достоевского, на Пушкина и Лермонтова—чаще всего—на того же Льва Толстого. Это почти исчерпывающий перечень.

Здесь мною пропущен только Гёте, творчество которого Мечников анализирует в отдельном этюде. Я беру на себя смелость утверждать, что анализ второй части «Фауста», сделанный Мечниковым, опередил намного его эпоху. В то время как, например, даже для такого замечательного знатока западной литературы, как Шахов, вторая часть «Фауста»—это произведение старческое, свидетельствующее об упадке творчества Гете, Мечников, в соответствии с современными нам взглядами, трактует обе части трагедии в их слитном единстве, и вторая часть для него—естественное завершение первой.

Он цитирует (правда, не в том переводе, что я привожу) эти знаменитые, раскрывающие подлинный смысл великого произведения, слова:

«Жизни годы

Прошли недаром, ясен предо мной
Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них вступает в бой».

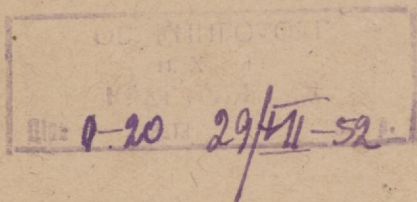
Простота и изящество, с которыми произведен Мечниковым анализ «Фауста», великолепны. Они подтверждают основной вывод, к которому, как кажется, можно прийти на основе изложенного выше.

А. М. Горький, перечисляя тех, у кого он учился писать, называет—наряду с Марксом и Лениным, наряду с великими писателями прошлого—и естествоиспытателей: Дарвина, Мечникова.

Мечников—целеустремленный, страстный, принципиальный, увлекающийся сам и увлекающий других—оказывается в этом почетном ряду, как один из великих учителей жизни.

С жадностью черпавший сам из великой сокровищницы искусства, он учит нас и тому, как значительно может нас обогатить творческий симбиоз науки и литературы с ее огромной «чуткостью в делах человеческих».

02

1

V.N. Karazin Kharkiv National University

01085232 9